

© 2014 г.

И.С. ЯЖБОРОВСКАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАН “НОВОЙ ЕВРОПЫ” В СОСТАВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Странами “Новой Европы” ныне часто именуются бывшие “социалистические” страны, ранее больше по идеологическому и геополитическому, чем по географическому принципу терминологически относимые к региону Восточной, Центрально-Восточной (Центральной и Восточной), а теперь, в связи с применением географического принципа – к субрегионам Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. Эти страны ныне интегрировались в Европейский союз (ЕС).

“Новая Европа” – это многосоставное понятие, включающее общее историческое прошлое, сходные природные, социальные, идейно-политические, культурные, психологические и иные составляющие.

Первое послевоенное обозначение региона – Восточная Европа – было распространено и использовалось с подачи Запада в геостратегической системе координат, возникшей после Второй мировой войны. В настоящее время это 16 бывших стран социализма с суммарным народонаселением чуть меньше, чем в России, из которых 11 – вошедшие в состав ЕС. Это и есть собственно “Новая Европа”, состоящая из средних и малых стран. Их народонаселение составляет (по нарастающей): Эстония – 1,5 млн чел., Словения – 2 млн чел., Латвия – 2,6 млн чел., Литва – 3,5 млн чел., Хорватия – 4,4 млн чел., Словакия – 5,4 млн чел., Болгария – 7,4 млн чел., Чехия – 10,5 млн чел., Румыния – 19 млн чел., Польша – 38,5 млн чел.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ОБНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ СТРАН “НОВОЙ ЕВРОПЫ”

В качестве исходного хронологического рубежа идентификации региона в социокультурном и политическом измерении в качестве ресурса общественного развития в настоящее время рассматривается начало XX в., а точнее – рубеж новейшего времени, сопровождавшийся коренной перекройкой послевоенной карты Европы и появлением на ней национальных государств.

Изначально спецификой региона была постимперская идентичность. Это были народы бывших империй трех “черных орлов” – Австро-Венгерской, Германской и Российской. Основой этой коллективной региональной идентичности были географическое положение этих стран, общее историческое прошлое и историческая память, а также соответствующие пространственно-временные концепты, преобладающие постфеодальные экономические модели, близость культур.

После Первой мировой войны в связи с возрождением или возникновением в “Новой Европе” национальных государств с территориями с этнически смешанным

Яжборовская Инесса Сергеевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН.

населением, компактно проживающими национальными меньшинствами в регионе усилилась национально- и регионально-гибридная идентификация. В послевоенные десятилетия национальная идентичность интенсивно формировалась как многомерный концепт, связанный с этапами национального самоопределения на фоне развития социокультурной составляющей в условиях новой геополитической идентификации. В регионе развернулось энергичное государственное строительство. В послевоенном массовом сознании шел процесс легитимации новых границ. В то же время, новейшая история принесла народам “Новой Европы” значительную вариативности идентичностей. Этому способствовала динамика исторических и социально-политических изменений: сложная гибридность, неоднократное переопределение горизонтов универсальности и дискурсов демократизации.

Последствия Второй мировой войны и сопутствующих ей геополитических процессов для непрерывно меняющегося мегасообщества региона были особенно велики и во многом катастрофичны. Перемещения миллионных масс людей, их оседание на смежных территориях в качестве национальных меньшинств способствовали многообразию процессов идентификации и самоидентификации, становлению новой геополитической идентичности. В контексте послевоенной мировой политики в регионе шли интенсивные национально-цивилизационные процессы, резко активизировалась геостратегическая и геополитическая идентификация, сформировалась наднациональная идентичность “социалистического содружества”. С самоликвидацией СССР в результате качественных изменений в структуре социальной идентичности и ее составляющих это содружество быстро распалось.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СТРАН РЕГИОНА

На рубеже 1980–1990-х годов в регионе произошла смена парадигмы общественного развития, развернулись глубокие системные процессы смены политических режимов и социально-экономического строя, сопровождавшиеся пересмотром собственной этим странам идентичности. Народы “Новой Европы” отказались от идентификации с “реальным социализмом”. “Бархатные революции” сопровождалась глокализацией – исторически обусловленным взаимодействием и противоречивостью локального и глобального развития.

В переходный период формировались новые идентификации и самоидентификации, а также различные способы их воплощения. Вначале утверждалась сугубо национальная и локальная идентичность, затем она теряла доминирующее значение, отходила на второй план. Следует выделить как стихийно формирующиеся в массовом сознании национальные идентичности, так идентичности, целенаправленно конструируемые различными группами интеллектуальной и политической элиты с помощью информационных технологий и средств коммуникаций. Полноценное демократическое развитие, идущее в разных странах по-разному, потребовало создания системы институтов правового государства, в частности, баланса и разделения властей¹.

За основу политических перемен в регионе были взяты западные опыт общественно-политического развития и стандарты парламентской демократии и правового государства. После первоначальной эйфории, когда казалось, что перемены, особенно политические, займут немного времени, стало ясно, что формирование демократического правового государства и гражданского общества является сложным, противоречивым, а главное, длительным, базирующимся на достижении общественно-политического согласия процессом. Развитие наднационально-цивилизационной, европейской идентичности (т.е. идентичности с конгломератом стран ЕС) и двойной, вновь возрождающейся европео-региональной идентичности внутри него, в “Новой Европе” шло постепенно.

---

¹ Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы. М., 2005; *Яжборовская И.С.* Глобализация и опыт трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы. М., 2008.

При этом, разумеется, в поставторитарном или же посттоталитарно-авторитарном обществе с трудной верифицируемым постидеологическим сознанием медленно набирали силу процессы конструирования новой, опять-таки чрезмерно идеологизированной, коллективной идентичности.

Основу смены парадигмы общественно-политического развития составила глубокая трансформация политической системы, начиная с отказа от ее тоталитарно-авторитарных устоев. Повсеместно проводилась замена “партии-государства” моделью плюралистической парламентской демократии. Демократическое развитие потребовало смены недемократического государственного аппарата и устранения с потерей командно-административных функций значительной части управленческих кадров. Базой этого процесса было создание системы институтов правового государства, совершенствование права и его применения, соблюдение баланса и разделения властей в комплексе процессов, обеспечивающих прогресс в этой сфере. С начала 1990-х годов большая часть стран региона стремилась следовать принципу разделения властей. Лишь для Хорватии и Югославии в это время было характерно отсутствие действительного разделения властей и доминирование исполнительной власти. За время преобразований страны “Новой Европы” прошли сложный путь взаимной “притирки” государственных институтов.

Новые конституции начала 1990-х годов установили основные полномочия и механизм функционирования законодательной, исполнительной и судебной власти. Лучшие условия для работы системы сдержек и противовесов, то есть согласия и взаимограничения, создали конституции Болгарии, Венгрии, Словакии и Чехии. Система сдержек и противовесов в этих странах включала в себя: право правительства на законодательную инициативу; право правительства увязывать голосование в парламенте по законопроекту с вотумом доверия правительства; право президента накладывать вето на принятый парламентом закон; право парламента преодолевать президентское вето; право президента направлять принятый законопроект в конституционный суд, чтобы проверить его соответствие конституции; право президента в определенных законом случаях распускать парламент; право премьера запрашивать вотум доверия парламента для своего правительства; право парламента отозвать поддержку правительства и отправить его в отставку; право парламента требовать от министров отчета о своей работе.

В большинстве стран Центрально- и Юго-Восточной Европы сформировались полноценные парламента. В них была сосредоточена вся полнота законодательной власти. Кроме принятия законов, парламента могут вносить изменения в конституцию, принимать государственный бюджет, назначать или отзывать правительство, контролировать его деятельность, решать вопросы войны и мира, использования вооруженных сил за пределами страны, ратифицировать международные договоры. Правительства, как правило, могут принимать только подзаконные акты. Лишь конституция Румынии разрешила делегирование издания законов правительству, но поправки, принятые в 2003 г., ограничили такую возможность.

Применяются и другие способы быстрого принятия законов. Например, в Словакии существует возможность ускорения законодательного процесса, когда все три чтения закона происходят в течение одного пленарного заседания. Демократические силы использовали эту процедуру, чтобы ускорить проведение социально-экономических реформ в стране и приведение национального законодательства в соответствие с правовой системой ЕС в связи со вступлением Словакии в эту организацию. В 2002 г. таким способом было принято 5% законов. Ускоренная процедура принятия законов применялась в 2001–2003 гг. в Сербии.

В Словении, наоборот, скорость законодательного процесса была замедленной из-за сложившейся в первые годы преобразований традиции достижения компромисса между парламентскими фракциями. Решения по трудным законопроектам часто принимались после длительных переговоров между всеми фракциями.

В странах Центрально- и Юго-Восточной Европы постепенно формировались традиции контроля законодательной власти за исполнительной, регулирования и

расследования действий правительства. Формами парламентского контроля являются вопросы, интерpellации (запросы) и работа парламентских комитетов. Для этой цели используются также парламентские слушания и создание комиссий по расследованию. Ежегодно депутаты задают правительству, как правило, несколько сот вопросов. Часто законодательная власть осуществляет контроль над исполнительной путем развертывания общественной дискуссии.

В Венгрии принятый парламентом в 1994 г. закон детализировал права депутатов парламента в отношении исполнительной власти. Он определил, что министры должны отвечать на интерpellации и вопросы на пленарном заседании не позже чем через неделю после их поступления. По инициативе не менее 20% депутатов парламента может создать специальную комиссию для расследования поведения любого правительственного органа в любой сфере деятельности. Контрольная функция парламента в отношении исполнительной власти реализуется также депутатами через право постановки вопроса о вотуме доверия правительству. Для этого в Болгарии, Венгрии и Словакии необходимы подписи 20% депутатов, в Польше – 10%, в Румынии – 25% депутатов и сенаторов, в Чехии – не менее 50% депутатов². В парламентской республике вынесение вотума недоверия правительству – явление редкое.

Новые конституции, принятые в Венгрии, Чехословакии и Болгарии, были направлены на недопущение концентрации власти в руках одного автократа. Они предусмотрели формирование сильного однопалатного парламента, способствующего консолидации представительной власти. В итоге утвердилась парламентская система. Парламент имеет конституционное преимущество над исполнительной властью. Однако постепенно Болгария, Венгрия, Польша, Словакия и Чехия осуществили на практике переход от сильного парламента и слабого правительства (на начальном этапе переходного периода) к более сильному правительству при относительно сильном парламенте. Такого перехода потребовало решение трудных задач трансформации. В Словении же в 2000 г. была принята поправка в конституцию об ответственности министров перед парламентом, тем самым легислатура была помещена в центр политической системы.

Со вступлением стран “Новой Европы” в Евросоюз значение их национальных парламентов как законодательных органов уменьшилось, что, несомненно, повлияло на систему разделения властей. Около 60% их функций перешло в руки органов Евросоюза.

Полномочия президента в сформировавшейся в регионе модели парламентской системы как правило ограничены. Он в качестве главы государства является верховным представителем страны и гарантом непрерывности государственной власти, следит за соблюдением конституции, является главнокомандующим вооруженными силами, назначает послов, судей конституционного суда или его председателя, членов счетной палаты, председателя или членов правления национального банка. Президент, исходя из результатов выборов и соотношения политических сил в парламенте, предлагает парламенту кандидатуру на пост премьера и назначает его. Президент может распустить парламента, если последний не одобряет предложенную кандидатуру на пост премьера или состав правительства, если парламента выразит недоверие правительству, а также в других случаях. Президент назначает выборы в парламента.

Реальные политические позиции президента определяются способом его избрания, объемом конституционных прав, стилем осуществления власти, политическим авторитетом. Президенты Албании, Венгрии, Чехии и Сербии и Черногории стали избираться парламентом. В остальных странах это происходит в ходе всеобщих и прямых выборов. Даже в парламентской республике всенародно избранный президент обладает более сильной политической позицией, чем президент, избранный парламен-

---

² Europa Srodkowo-Wschodnia. Region, państwa, społeczeństwa w czasie transformacji. Lublin, 2000, s. 148.

том. Единственной страной в регионе, где существует полупрезидентская республика, является Румыния.

В настоящее время почти во всех странах Центрально- и Юго-Восточной Европы центром исполнительной власти является правительство. Его роль подчеркнута в конституциях Чехии и Словакии, в которых говорится, что правительство является главным (Чехия) или высшим (Словакия) органом исполнительной власти. В соответствии с конституцией, правительство проводит внутреннюю и внешнюю политику. Во всех странах региона предусмотрена парламентская процедура назначения правительства. Премьера формально предлагает президент, его выбор и состав правительства определяется партийным составом парламента. Конституции большинства стран “Новой Европы” предусматривают политическую ответственность правительства перед парламентом.

В силу дробности партийных систем в регионе, в результате чего в большинстве случаев ни одна партия не имела абсолютного большинства в парламенте, а также необходимости достижения широкого консенсуса в проведении реформ, большинство правительств являются коалиционными. Однако почти нигде не было правительств большой коалиции, когда в их состав входили бы как представители победивших на выборах партий, так и оппозиция.

Опыт стран региона за годы преобразований показал, что по-настоящему демократическое правовое государство возможно лишь в ситуации равновесия, баланса властей. Стремление любой ветви власти к концентрации власти в своих руках неизбежно ведет к нарушению принципов демократии. Баланс властей в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы складывался по-разному: он был напрямую связан с соотношением политических сил в парламенте и с политической борьбой в обществе.

Политическая практика стран региона свидетельствует о том, что исполнительная власть неоднократно пыталась изменить баланс властей в свою пользу. Вначале в некоторых государствах “Новой Европы” это пытались сделать президенты, а затем и правительства, что неизбежно вело к конфликтам между ветвями власти. В начале 1990-х годов Л. Валенса в Польше, В. Гавел в Чехии, Ж. Желев в Болгарии и С. Бериша в Албании пытались усилить президентскую власть и, тем самым, изменить баланс властей в пользу президента. Однако они натолкнулись на сильное сопротивление политической элиты и вынуждены были отступить. Лишь в ситуации войны в Хорватии и Югославии президентам Ф. Туджману и С. Милошевичу удалось сконцентрировать в своих руках большую власть. При этом, по конституции, Хорватия формально являлась полупрезидентской, а Югославия – парламентской республикой. В Хорватии после смерти Туджмана и победы демократических сил в начале 2000 г. на парламентских и президентских выборах, в результате внесенных в конституцию поправок существовавшая в стране полупрезидентская система правления была заменена парламентской демократией.

В настоящее время модель и проблема утверждения сильного президента в политической практике большинства стран Центрально- и Юго-Восточной Европы отсутствуют. Сейчас в странах “Новой Европы” центром исполнительной власти являются правительства этих стран.

В парламентской республике, где правительство опирается на парламентское большинство, как правило, серьезных противоречий между правительством и парламентом не бывает. Конфликт возникает лишь в случае распада правящей коалиции. Вместе с тем, могут успешно работать и правительства меньшинства, если до парламентского большинства не хватает нескольких голосов, которые можно получить от независимых депутатов. Но это требует повседневной работы правительства и фракции правящей партии с такими депутатами. Угроза потенциальных конфликтов существует в случае, если президент принадлежит к иным политическим силам, чем правительство и парламент, или президент является беспартийным и обладает большим моральным авторитетом. Такой конфликт имеет место, если президент накладывает вето на принятый парламентом закон или открыто выражает свое недовольство

теми или иными аспектами деятельности правительства. В Чехии президент В. Гавел, выступая с резкой критикой тех или иных аспектов политики правительства, неоднократно направлял принятые парламентом законы в конституционный суд с целью проверки их соответствия конституции и, как правило, получал поддержку конституционного суда. В Польше президент социал-демократ А. Квасьневский, вынужденный работать с правоцентристским правительством Е. Бузека (“Солидарность”), несколько раз накладывал вето на принятые парламентом законы; лишь один раз его вето было преодолено Сеймом. В Болгарии президент Г. Пырванов (до избрания – лидер Болгарской социалистической партии) использовал президентство для критики внутренней политики правого правительства С. Сакскобургготского, оказывая активное влияние на политику безопасности и внешнюю политику.

Хотя большинство политологов считают, что парламентская система более демократична, чем президентская, опыт Албании, Болгарии, Венгрии, Сербии, Словакии показал, что парламентская система автоматически не исключает нарушений в ее функционировании, дестабилизации демократии, злоупотреблений властью. Сама по себе парламентская система представляет лишь ограниченную возможность сдерживать исполнительную власть, если правящая коалиция или сильная партия имеют абсолютное большинство в законодательном органе. В ситуации, когда правительство имеет абсолютную поддержку в парламенте, существует соблазн подчинения законодательной власти правительству, преодоления существующих ограничений власти и увеличения своих прерогатив. В Венгрии В. Орбаном, в Словакии В. Мечиаром были проведены существенные подвижки в балансе сил между законодательной и исполнительной властью с целью ослабить конституционный контроль над исполнительной властью, а затем ограничить компетенцию судебной власти.

Опыт стран Центрально- и Юго-Восточной Европы показал, что законодательная, исполнительная и судебная ветви власти должны сотрудничать, не посягая на основные функции друг друга. Ситуация оптимального взаимодействия между высшими органами государственной власти возникает, если большинство в парламенте, правительство и президент относятся к одним и тем же политическим силам. В 2004 г. такая ситуация имела место в Польше, Словении, Румынии, Македонии и Черногории. Некоторые политики в рамках достижения баланса государственной власти нередко делают упор в основном на сотрудничество и взаимодействие, а не на взаимоконтроль.

Характер сотрудничества имели отношения в Словакии между первым правым правительством М. Дзуринды (1998–2002 гг.) и президентом Р. Шустером. Президент использовал свое право вето на законы, принятые парламентом таким образом, что это не выходило за конституционные рамки и не нарушало стабильность работы правительства. Однако при втором правом правительстве М. Дзуринды, которое стало проводить ультрарыночные налоговые и социальные реформы, Р. Шустер вынужден был наложить вето на ряд принятых парламентом законов, защищая интересы бедных слоев населения.

В “Новой Европе” процессы коренных преобразований разворачивались как европейский политический проект и распространялись с ростом многообразия коммуникативных возможностей. Обнаруживались факторы и движущие силы смены идентификационных моделей, соответствующие новым перспективам политического развития.

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ПОСЛЕ ВХОЖДЕНИЯ СТРАН “НОВОЙ ЕВРОПЫ” В ЕС И В ХОДЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Вхождение стран Центрально- и Юго-Восточной Европы в ЕС ускорило процесс демократизации, в частности оптимизацию разделения властей в этих странах. Американская организация “Фридом хауз” отнесла по итогам 2007 г. к консолидированным демократиям (с индексацией от 1 до 7, по нисходящей) Словению (1,86), Венгрию (2,14), Чехию (также 2,14), Словакию (2,29), Польшу (2,39) и Болгарию (2,89), а к

наполовину консолидированным демократиям – Румынию (3,36), Хорватию (3,64), Сербию (3,79)³.

Однако мировой финансово-экономический кризис деформировал процесс демократизации общественно-политического устройства почти во всех странах региона. В 2011 г. эти страны выстроились по уровню демократизации в цифровом выражении следующим образом: консолидированные демократии Словения (1,93 – три года стабильности на несколько более низком уровне), Венгрия (понижение до 2,61), Чехия (небольшое ухудшение до 2,18), Словакия (2,54), Польша (улучшение до 2,21) и Болгария (ухудшение до 3,07); наполовину консолидированные демократии – Румыния (несколько лучше, после некоторого ухудшения – 3,43), Хорватия (стабильно 3,64). Вступившая на путь подготовки к интеграции в ЕС Сербия после небольшого ухудшения имела показатель 3,79⁴.

В настоящее время эти страны группируются по уровню демократизации аналогичным 2007 году образом. В группе государств консолидированной демократии, с устойчивой демократической системой, Польша улучшила свои показатели до суммарных 2,18 за счет совершенствования управления национального и локального уровня, а также избирательной системы. Чехия сохранила средний высокий уровень, уравновесив некоторое ухудшение в состоянии избирательной системы и средств массовой информации успехами судебной системы и развитием гражданского общества. Минимально снизила общий показатель (за счет некоторого снижения уровня функционирования судебной системы) Словения. В то же время всем категориям подсчета основательно сдали позиции активно интегрировавшиеся в экономику ЕС и сильно пострадавшие от кризиса Словакия и Венгрия. Премьер-министр Венгрии В. Орбан, введя почти полсотни антидемократических поправок в конституцию, усиленно пытается расширить полномочия исполнительной власти. Он урезал независимость центрального банка, провел ускоренную ротацию судей, что встретило сопротивление властей Евросоюза.

Недавно вступившие в ЕС страны не полностью консолидированной демократии – Болгария, Румыния, Хорватия стараются соответствовать требованиям совершенствования судебной системы и ограничения коррупции. Хорватия, как и готовящаяся к вступлению в ЕС Сербия, повысила уровень развития гражданского общества. Недавно вставшие на путь демократизации страны региона проявляют значительную гибкость и эффективность политической системы при преодолении трудностей кризисных лет.

В условиях прогрессирующей глобализации содержание разновидностей коллективной идентичности в “Новой Европе” меняется. Сначала, вытесняя идентичность “соцсодружества”, акцентировалась принадлежность к Европе на фоне укрепления национального начала. Постепенно конфликт идентичностей смягчался. Ведущее место, с вписыванием в мировые политические и экономические процессы, заняла идентичность граждан ЕС. Одновременно усиливалась региональная взаимовыручка и росла локальная идентификация.

Опрос в Польше, проведенный в марте 2013 г., показал: 74% поляков ставят на первое место свое гражданство в ЕС. Польское крестьянство давно преодолело страхи перед евроинтеграцией, да и немцы и французы – перед “польским сантехником”.

ОБНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Политические, экономические и культурные преобразования стали мощным фактором системной трансформации и модернизации общества. Со становлением рынка и демократии стирались прежние и появлялись новые формы идентичности.

³ 2008 Rankings by Regime Type. Nations in Transit 2008. – www.freedomhouse.hu

⁴ Кризис затронул и другие страны региона. Черногория несколько снизила свой показатель – до 3,82, Албания – до 4,04, Македония продемонстрировала небольшое улучшение – до 3,82. Уровень Боснии и Герцеговины, относимой к гибридным режимам – 4,32, а Косова с его полуконсолидированным авторитарным режимом – 5,18. – Nations in Transit 2011. – www.freedomhouse.hu

Для региона в условиях ориентированной на развитие всего общества демократизации была характерна идентификация трансформирующихся сообществ, связь коллективной идентичности с новой формирующейся панъевропейской политической идентичностью. В культурном отношении эта идентификация основывалась на переосмыслении общего цивилизационного и исторического наследия.

Распространились, укоренились новые правовые системы и модели политического устройства. Начиная с нового политического самоопределения в обновленных территориальных границах и утверждения демократических политических форм и принципов организации современной политической общности, страны региона постепенно пришли к унификации политических пространств, к выстраиванию общих интересов, ценностей и иерархий, к курсу на повышение открытости территории и поддержание общей идентичности. Главным стимулом модернизации политической системы, обновления ее структур стал интенсивный процесс социально-экономической модернизации. Структурирование нового политического пространства – макрорегионов и регионов, сочеталось с реструктурированием функций современного государства, сокращением его самостоятельности в принятии решений, с фрагментацией публичной власти и формированием новых нормативных порядков, с развитием и сращиванием сетевых структур.

Эти явления и процессы четко просматриваются в “Новой Европе”, где в условиях глобализации XXI в. образуются как новые наднациональные, так и региональные идентичности; идет более активное конструирование коллективных идентичностей.

В исследуемом регионе политическое поведение, прежде всего электоральный выбор, в значительной степени определяют процессы демократической трансформации режимов, возникновения многопартийности в условиях общества, лишенного длительного и обстоятельного опыта открытого сопоставления политических позиций. Идет модернизация партийно-политической системы и связанная с нею новая идейно-политическая и партийная самоидентификация населения. Надо учитывать, что в нынешней “Новой Европе” на разных этапах ее исторического развития сходные процессы сопровождались неоднократными “приливами” и “отливами” политизации, ростом и падением влияния различных политических идеологий – национализма, консерватизма, либерализма, социализма, коммунизма.

Несколько примеров смены матрицы политической идентичности. В 2004 г., находясь в первом потоке интеграции в ЕС, Венгрия была авангардной силой трансформации в регионе, в 1990-е годы она опережала Польшу на 50–60% по валовому внутреннему продукту на душу населения. Однако чрезмерное открытие внутреннего рынка и односторонняя ориентация на западный рынок при неконкурентоспособности своих товаров привели венгров к необходимости получения огромных займов, что вызвало коллапс финансов и экономики в целом. Премьер В. Орбан, быстро трансформировавшийся из либерала в автократа, в условиях экономического и последовавшего за ним политического кризиса стимулировал поправление правящей элиты и рост коррупции, укоренение националистов на политическом поле. Национальный экстремизм в условиях кризиса проявился и в Словакии, в позиции премьера Р. Фицо по отношению к венгерскому меньшинству; в Польше – в отношении правоконсервативного лидера Я. Качиньского к самоопределению населения Силезии. Но пока для этого региона заметный рост национализма преимущественно остается явлением маргинальным.

Яркий пример кризиса политической идентичности страны – вступившая в ЕС в 2007 г. Болгария, являющаяся сейчас самой бедной страной “Новой Европы”. Премьер Б. Борисов, бывший охранник лидера социалистической Болгарии Т. Живкова, потакал безбрежной коррупции и разграблению экономики страны. Итог – массовые протестные выступления, подрыв идейно-политических ориентаций и преобладание протестных форм участия масс в общественной жизни. Вместо свойственной модернизации политизации групповых идентичностей и их трансформации в политические идентичности, усилился кризис политизации общества и партийно-политической системы, отказ масс от самоидентификации с участниками этого политического процесса.

В настоящее время появились новые общие для стран региона явления: многослойность и многоуровневость процессов социализации, неустойчивость партийной принадлежности, многообразие неполитических факторов влияния. Анализ социокультурных оснований политических изменений показывает, сколь они неоднозначны и сложны. Динамизация политической коммуникации и информации, прагматичность партийного выбора мощно действуют под многократно усиленным средствами массовой информации влиянием общих кризисных тенденций развития.

Когда в ходе глобализации процессы модернизации и инноваций в ЕС стали универсальным императивом, это весьма ощущалось в “Новой Европе”. В Вишеградской четверке, объединяющей Польшу, Чехию, Словакию и Венгрию, хотя и в меньшем масштабе, чем до кризиса, и особенно, в условиях современного его этапа, одновременно с сохранением основы социокультурной самоидентичности, интенсивно расширяется спектр составляющих общую идентичность, неконфликтного соприсутствия разных идентичностей. Так, при всей разнонаправленности финансово-экономических интересов внутри ЕС, его ядро в феврале 2013 г. на саммите в Варшаве, куда были приглашены канцлер ФРГ А. Меркель и президент Франции Ф. Оланд, получило однозначную поддержку со стороны Вишеградской четверки.

Все более важную роль играет взаимодействие стран “Новой Европы”. В марте 2014 г. состоялся Венгерско-польский экономический форум, наметивший пути польского инвестирования в развитие промышленности Венгрии. 8 апреля 2014 г. в Праге прошел экономический форум Чехии и Польши под лозунгом “Чехия и Польша открывают друг друга заново”. Для оптимизации своего развития обе страны модернизируют железные дороги и автостреды. Накануне Европейского экономического конгресса 13–15 мая 2014 г., объединяя усилия в освоении Африки, Вишеградская четверка провела 12–13 мая 2014 г. в польских Катовицах “Форум экономического сотрудничества Африка – Центральная Европа”. В Африке формируется обширное, перспективное инвестиционное поле с возможностью быстрой отдачи на базе современных методов управления и внедрения передовых технологий. “Новая Европа” активно его использует.

Что касается трудовой миграции в регионе, в этой сфере произошли показательные подвижки. Сезонные рабочие – это в основном румыны и болгары, ориентирующиеся на Италию и Испанию. К настоящему времени поляки обеспечили Запад Европы (в основном Англию и Скандинавию) более чем двумя миллионами в основном молодых квалифицированных кадров медиков, математиков, программистов и архитекторов, в немалой части готовых осесть в этих странах. Вместе с тем, поддерживающие сельское хозяйство восточной части Германии сезонные рабочие по-прежнему приезжают из приграничных районов Польши. В самой же Польше сферу неквалифицированного труда обеспечивают рабочими руками более миллиона украинцев, вьетнамцев и китайцев, а миграционные службы готовы принять с постсоветских территорий еще 5 млн чел., желательно славян, с последующей адаптацией и ассимиляцией.

Эти факторы несколько запутывают общую картину оптимизации развития в “Новой Европе”. Следует признать, что в настоящее время кризис весьма осложняет ситуацию, усиливая колебания между разными, ориентирующимися на различные сообщества, идентичностями социо-культурной, политико-культурной и иной природы.

В условиях современного этапа глобализации в “Новой Европе” актуализируются составляющие идентичности, проистекающие из возникновения тех или иных сообществ (в частности, в рамках такого мощного центра силы как ЕС) и соответствующих сетевых контактов. Углубляется взаимодействие национальных образований (в том числе государств региона), которое сопровождается взрывным ростом людской мобильности, свободным перемещением огромных масс людей. Это вызывает трансформацию социально-политических предпочтений и ценностных ориентаций стран и граждан “Новой Европы”.